

С.Р. Минцлов

**Беглецы. Приключения из
автобиографии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Р. Минцлов**
Беглецы. Приключения из автобиографии / С.Р. Минцлов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 150 с.

ISBN 978-5-517-83640-3

ISBN 978-5-517-83640-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Она была писательница; жизнь вела однообразную и замкнутую; гости прїѣзжали рѣдко, прогулки тетя совершала только въ костелъ, или по саду. Остальное время она посвящала чтенію, писанію и, немного, хозяйству. Съ наступленіемъ сумерекъ въ кабинетѣ ея, уставленномъ шкафами съ книгами, на старинномъ бюро зажигалась лампа съ зеленымъ колпакомъ, и я долго, пока не засыпалъ, что случалось иногда и за полночь, видѣлъ на полу узкую полосу свѣта, проникавшаго черезъ темную смежную комнату, отдѣлявшую мою отъ кабинета. Или же доносились отдаленные звуки музыки — тетя любила играть въ полномъ одиночествѣ и всегда что-либо торжественное, или проникновенное. Меня она приняла очень ласково. Каждый разъ, когда она замѣчала, что я задумываюсь, или грущу по своимъ,— она откладывала книгу, или перо, подзывала меня къ себѣ и тоска моя незамѣтно разсѣивалась.

Домъ тети стоялъ между холмами, вѣрнѣе, онъ находился на днѣ оврага, который съ одной стороны выходилъ къ полотну желѣзной дороги; съ другой открывался видъ на рѣчку Вилейку и далекое Зарѣчье, лѣпящееся по горѣ надъ ней. За широкимъ дворомъ и невысокимъ, зеленымъ заборчикомъ тянулся желѣзнодорожный путь; далѣе подымались лѣсистые бугры. Во дворѣ, немного поодаль, подъ угломъ къ нашему дому стоялъ небольшой флигель; онъ отдавался въ наймы.

На желтомъ обрывѣ надъ домомъ росла кучка вѣковыхъ сосенъ; онѣ всегда шумѣли — тихо или громко, смотря по погодѣ. Лунными, а то и темными вечерами я не-

рѣдко прокрадывался на крыльцо и, весь замирая, глядѣлъ на необычную для меня картину. На холмахъ, облитыхъ блѣдно-синеватымъ свѣтомъ луны, молчалъ очарованный лѣсъ. Надъ нимъ раскидывалось прозрачно-темное небо. Все казалось не то сномъ, не то сказкою; я видѣлъ себя въ волшебномъ краю; въ глубинѣ лѣса, загадки, чудилось мнѣ, таится, сверкая и переливаясь какъ звѣзды, хрустальный замокъ; въ немъ творится что-то несказуемо дивное и неизвѣстное.

А надъ соннымъ дворомъ стоялъ чуть слышный, но властный шепотъ, — говорили сосны на обрывѣ. И мнѣ казалось, что это не деревья, а вставшіе во весь ростъ великаны осматриваютъ міръ, киваютъ головами и что-то сообщаютъ другъ другу.

Я убѣгалъ къ себѣ и, кутаясь въ одѣяло, силился угадать, что рассказываютъ сосны, что таится въ лѣсу, почему мерцаютъ звѣзды; засыпая, явственно начиналъ слышать надъ изголовьемъ величаво-спокойный гулъ.

Въ темныя ночи, особенно, когда подымался хотя бы небольшой вѣтеръ, на дворѣ было страшно. Сосны сердились и ревѣли грозными голосами; лѣсъ за полотномъ дороги вторилъ и перекликался съ ними. И вдругъ изъ-за невидимыхъ холмовъ съ гуломъ и грохотомъ вылетало бѣшеное чудовище поѣздъ, сверкало огненно-кровавыми глазами и, словно гонясь за жертвой, изрыгало пламя и искры и скрывалось за поворотомъ.

Тетя была слишкомъ погружена въ свое писательство, чтобы замѣтить мою излишнюю мечтательность.

Я пользовался полной свободой и уединяясь, жадно томъ за томомъ прочитывалъ всякія описанія путешествій и приключеній, отысканныя мною въ одномъ изъ шкафовъ, никогда не отворявшихся тетей.

Иногда по вечерамъ тетя рассказывала мнѣ легенды о подвигахъ древнихъ героевъ, преимущественно литовскихъ. Я слупалъ ее, весь охваченный интересомъ и дрожью.

Каждая улица, каждая площадь и камень въ неизвѣстной мнѣ Вильнѣ начали приобрѣтать въ моихъ глазахъ совсѣмъ другой, полный таинственнаго значенія, обликъ. Я увидалъ въ нихъ безмолвныхъ свидѣтелей глубокой старины, созерцавшихъ и помнящихъ безконечно много событій.

Страсть къ чтенію во мнѣ все усиливалась.

Вмѣстѣ съ нею росло желаніе и самому испытать что-нибудь похожее на то, что пережили мои герои. Не разъ, стоя на полотнѣ желѣзной дороги, я глядѣлъ на уходящія въ даль черныя линіи рельсовъ, на лѣсъ и холмы, провожавшіе ихъ со всѣхъ сторонъ, и желаніе побывать въ невѣдомыхъ краяхъ разгоралось во мнѣ.

Для начала я рѣшилъ изслѣдовать бугры противъ нашего дома, но прежде чѣмъ пуститься въ это странствованіе я сдѣлалъ себѣ лукъ и стрѣлы и наупрактиковался въ стрѣльбѣ изъ него. Въ одинъ изъ знойныхъ полдней я забралъ свое оружіе и карманный ножикъ и взобрался на первый высокій холмъ за желѣзной дорогой.

Вершина его была заповѣдною чертой, за которую я не переступалъ еще ни разу и только жадно глядѣлъ съ нея на вздымавшіеся дальше песчанья горы и густые лѣса.

Кругомъ было тихо. Развѣсистыя ели стояли неподвижно. Подъ ними царила тѣнь; ноги мои глубоко погружались въ мохъ.

Я спустился съ откоса, взобрался на новую крутизну и опять сошелъ внизъ.

Высокія, округленныя горки обступили меня со всѣхъ сторонъ. На бѣловатомъ, ровномъ, какъ скатерть, пескѣ не виднѣлось ни куста, ни травки, ничего, кромѣ камней да моихъ слѣдовъ.

Я воображалъ, что я первый открылъ тѣ мѣста, и радость, и гордость наполняли мое сердце. Оглядываясь и прислушиваясь, я направился дальше. Однако, идти по глубокому песку подъ горячими лучами солнца становилось трудно. Слѣва непрерывно тянулся лѣсъ; я свернулъ къ нему и скоро очутился подъ высокими соснами; по склонамъ горъ темнѣли кусты можжевельника. Лощина съживалась и замѣтно понижалась.

Нѣтъ-нѣтъ, и вниманіе мое привлекали громадныя бурые камни, выступавшіе какъ утесы изъ моря, изъ окружавшаго ихъ песка. Я тщательно изслѣдовалъ каждый.

Мало-по-малу между мрачной зеленью можжевельника стали выглядывать веселые свѣтлыя листья ольхи. Дышать становилось легче. Навстрѣчу попался громадный развѣсистый вязъ; за нимъ еще и еще. Сосны исчезли.

Я вступилъ въ прохладный, полный густой тѣни, лиственный лѣсъ; скоро открылась полянка. По обѣ стороны ея подымались гущи орѣшника; въ глубинѣ его, изъ-подъ камней, оплетенныхъ корнями кряжистаго дуба, журча, выбивался родникъ; лента ручейка убѣгала въ чашу.

Я поспѣшилъ къ нему, припаль на свѣжую траву и погрузилъ лицо въ холодную, кристальную воду. Вдругъ я услышалъ по-свистываніе. Я поднялъ голову и увидаль насмѣшливую фізіономію оборваннаго мальчишки.

Онъ сидѣлъ на камняхъ подъ дубомъ и, охвативъ поджатыя босыя ноги руками, вызывающе смотрѣлъ на меня.

— Попилъ? — спросилъ онъ, не мѣняя позы.

На загорѣломъ, пестромъ отъ веснушекъ, носатомъ лицѣ его стояло какое-то замысловатое выраженіе. Рыжеватые волосы выбивались гривой изъ-подъ замасленнаго картуза, сбитаго на затылокъ въ видѣ блина.

Я внимательно осмотрѣлъ мальчишку, опустилъ опять голову къ водѣ и, кончивъ пить, всталъ съ земли.

— А почему это ты не отвѣчаешь, когда съ тобой говорятъ, а?—спросилъ онъ, подымаясь въ свою очередь, и каріе, съ красными вѣками глаза его разгорѣлись.

Мальчишка значительно превосходилъ меня ростомъ и шириною плечъ.

— Потому, что когда пьютъ, тогда говорить нельзя!—отвѣтилъ я.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Лѣсъ осматриваю. А ты?

— Слушай!—рѣшительно произнесъ мальчишка, подступивъ ко мнѣ:—хочешь, я тебѣ сейчасъ морду разобью?

Предложеніе было странное.

— Нѣтъ! — возразилъ я. — Совсѣмъ не желаю!

— А не хочешь, такъ проваливай! Нечего тебѣ здѣсь дѣлать. Убирайся по добру по здорову!

— Развѣ это твой лѣсъ, что ты меня изъ него гонишь?

— Не мой,— а маршъ къ свиньямъ!

— Не твой, такъ ты и не командуй! — сдерживая волненіе, сказалъ я.— Я имѣю такое же право быть здѣсь, какъ и ты!

Мальчишка сжалъ кулаки и шагнулъ ближе.

— Берегись!—добавилъ я и направилъ на него лукъ.

Въ эту минуту послышался слабый пискъ и что-то хлопнуло въ кустахъ лѣвѣ насъ.

Готовый уже ринуться на меня врагъ мой разжалъ кулаки и стремглавъ бросился по направленію звуковъ. Я посмотрѣлъ туда же и увидѣлъ на вѣткѣ западню, въ которой билась попавшаяся птичка. Выждавъ немного, я вскинулъ свое оружіе на плечо и, несмотря на желаніе скрыться какъ можно скорѣе, медленно сталъ удаляться съ полянки.

— Эй?—донеслось мнѣ вслѣдъ.—Только явись еще разъ сюда,—такіе семафоры подъ глазами тебѣ поставлю, что поѣзда останавливать станешь!

— Посмотримы!—крикнулъ я.—Еще у кого то они будутъ!

Въ отвѣтъ на это въ вѣтви надъ моей головой врѣзался камень, на меня посыпались сбитые листья.

За первымъ камнемъ послѣдовалъ второй.

— Плохо кидаешь! Поучись сперва!—Я засмѣялся насколько могъ громче и подъ градомъ камней, летѣвшихъ мимо меня, пошелъ своею дорогой.

Усталый, но гордый и довольный, полный разнообразных впечатлений, я вернулся домой передь самымъ обѣдомъ.

На нашемъ дворѣ стояло три воза съ мебелью и всякою всячиной. Около нихъ хлопотали еврей-извозчики и какія то женщины въ платкахъ. Изъ окна флигеля глядѣли два реалиста, приблизительно однихъ лѣтъ со мною.

Я съ любопытствомъ обозрѣлъ все и подошелъ къ Тадеушу, стоявшему у угла нашего дома.

Волосатая, какъ у обезьяны, руки его были въ карманахъ, въ зубахъ онъ держалъ трубку, желтые глаза ехидно смотрѣли на возъ съ кухонной обстановкой.

У ногъ Тадеуша сидѣлъ Брутъ, бѣлый съ коричневыми подпалинами, песъ его.

— Кто пріѣхаль, Тадеушъ? — спросилъ я.

Онъ перевелъ взглядъ на меня, сплюнулъ, затаившись раза два дымомъ и, наконецъ, отвѣтилъ: — жильцы!

— А реалисты эти тоже здѣсь жить будутъ?

— Здѣсь...

Тадеушъ усмѣхнулся и подмигнулъ мнѣ.

— Вмѣстѣ васъ пороть будутъ!

Я удивился.

— Какъ пороть? За что?

— Если васъ не пороть, такъ что же это и будетъ? На то Господь и березу растить!

— Господь въ порки не вмѣшивается! — возразилъ я. — Теперь и не порять никого!.. — И я отошелъ въ сторону.

Тадеушъ выпустилъ сквозь усы густой дымъ и что то пробурчалъ подь обрубленный носъ свой.

Глава II

Со вновь прибывшими реалистами я познакомился въ тотъ же день.

Старшаго, — стройнаго и красиваго четверо-классника съ румяными щеками, — звали Андреемъ. Въ карихъ глазахъ и тонкихъ губахъ его просвѣчивало что-то презрительно-снисходительное къ окружающимъ; проторъ въ каштановыхъ волосахъ его былъ сдѣланъ необычайно тщательно; вся фигура его свидѣтельствовала, что онъ превыше всего на землѣ.

Мнѣ онъ не понравился.

За то другой, оказавшійся моимъ одноклассникомъ и нахлѣбникомъ нашихъ жильцовъ, Богданъ Остапенко, коренастый и неуклюжій медвѣженокъ съ круглымъ лицомъ, украшеннымъ носомъ въ видѣ двойной картофелины и съ желтыми вихрастыми волосами, сразу расположилъ меня въ свою пользу.

Держался онъ солидно, но въ маленькихъ сѣрыхъ глазкахъ его свѣтилось столько юмора, что отъ взгляда на нихъ дѣлалось весело.

Я сошелся съ нимъ я, благодаря его рассказамъ, быстро ознакомился съ учителями, съ будущими товарищами и съ порядками въ моемъ новомъ училищѣ.

Андрей — фамилія его была Каштелянскій — рѣдко присоединялся къ нашимъ

бесѣдамъ, ведшимся обыкновенно гдѣ нибудь въ тѣни подъ заборомъ, или на скамьѣ у воротъ. Чаше всего онъ, съ хлыстикомъ въ рукѣ, проходилъ мимо, окидывалъ насъ насмѣшливымъ взглядомъ, изящно-небрежно притрагивался къ фуражкѣ и, напѣвая, отправлялся въ городъ.

Не разъ, въ порывѣ откровенности, я общалъ своему новому другу планы на будущее. Мнѣ хотѣлось стать путешественникомъ, повидать всѣ уголки міра, такъ упоительно заманчиво описанные въ книгахъ; я дошелъ даже до того, что предложилъ Остапенко немедленно бѣжать со мною.

— А тебя давно не пороли? — спросилъ онъ.

— Совсѣмъ никогда не пороли!

Я точно съ неба свалился.

— То-то и видно! А у моего батьки такой ремень есть, что послѣ него не только путешествовать—сѣть не захочешь. Да и куда же бы мы побѣжали?

Но меня уже расхолодилъ тонъ его и я перевелъ разговоръ на мои изслѣдованія и открытія въ неизвѣстныхъ еще никому горахъ.

— Неизвѣстныя горы?—повторилъ онъ— эти? — Онъ указалъ рукою на бѣлѣвшіе за дорогой высокіе холмы.

— Да.

Остапенко скосилъ глаза на меня, затѣмъ поднялъ ихъ къ небу и, не отвѣтивъ ничего, защемилъ себѣ кончикъ носа пальцами и началъ тереть его; это продѣлывалъ онъ всегда передъ тѣмъ какъ засмѣяться.

— Это подъ Вильной то?

— Да!

Остапенко фыркнулъ.

— Ну, да, неизвѣстныя — горячо возра-
зилъ я—туда никто не заходилъ; тамъ даже
слѣда нѣтъ ни одного!

— Да зачѣмъ туда заходить? песокъ что
ли распахивать? — отвѣтилъ Остапенко. — А
дальше, за горами за этими лежитъ боль-
шакъ на Опшяны. А еще дальше Вилія те-
четъ!

— Мало ли что еще дальше! За всякими
неизвѣстными странами тоже лежатъ дороги
и рѣки!

Несмотря на недовѣріе, съ какимъ от-
несся Остапенко къ новымъ землямъ, онъ
все-таки вскорѣ отправился со мною взгля-
нуть на нихъ.

Мало по малу онъ увлекся этимъ не
меньше меня, и дни у насъ полетѣли весело
и незамѣтно. Врагъ мой,—оборванецъ маль-
чиска,—намъ не встрѣчался.

Подошелъ срокъ начала занятій.

Съ волненіемъ приблизился я въ первый
разъ къ старому и невзрачному зданію учи-
лища.

Со мной шли Остапенко и Каштелянскій.

Изъ закрытыхъ оконъ второго этажа
доносился гулъ, виднѣлись лица и мундиры
реалистовъ. Мы поднялись по лѣстницѣ и
Остапенко провелъ меня къ дежурному над-
зирателю.

По счастью я оказался записаннымъ въ
параллельное отдѣленіе, въ то же, гдѣ нахо-
дился и Остапенко. вмѣстѣ мы отправились
въ классъ, и только отворили дверь, — меня
охватили духота, шумъ и говоръ. По сво-
бодному отъ партъ пространству сновали,
бѣгали и возились реалисты; всѣ кричали
и спорили.